Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!»

БАБУШКА
Русской Революціи

(Е. К. Брешковская)

АВТОБІОГРАФІЯ.

Изданіе Псковской Группы Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

№ 15

Псковъ, 1917 г. Цѣна 15 коп.

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты
право свое!»

БАБУШКА Русской Революціи

(Е. К. Брешковская)

АВТОБІОГРАФІЯ.

Изданіе Псковской Группы Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ.

№ 15.

Псковъ, 1917 г.

Цѣна 15 коп

Тип. А. Б. Неймана, Псковъ.

„Бросить мужика? Нѣтъ, я мужика не брошу", я въ мужика вѣрю, я прямо къ нему обращусь, я ему открою глаза, научу его бороться за правду"..

„Ширь больше манитъ ихъ, чѣмъ глубина. Оно и ширь хороша, только не поверхностная. А потомъ сами дивятся: „почему старые дубы такъ крѣпки? Не знаютъ того, что корень то ихъ глубокій"...

Изъ писемъ Е. К. Брешковской.

Я родилась въ 1844 году. Дѣтство и молодость провела въ Черниговской губ. и на всю жизнь осталась благодарна родителямъ своимъ за доброе и разумное воспитаніе и обученіе. Крѣпостныхъ людей они жалѣли, не обижали; все же, рѣзкая разница въ томъ, какъ жили мы, помѣщики, и какъ жили крестьяне въ избахъ своихъ, была такъ поразительна, что дѣтская душа моя страдала сильно отъ противорѣчія дѣйствительности съ ученіемъ Христа. Мать часто читала намъ евангеліе и біографіи великихъ подвижниковъ правды и любви къ человѣчеству.

Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда въ 1861 году крестьянъ освободили отъ произвола помѣщиковъ, но такъ плохо надѣлили землей, что рабочему народу пришлось снова идти въ кабалу къ богачамъ. Волненія крестьянъ вызывали страшныя экзекуціи; страданія ихъ проходили на моихъ глазахъ и усиливали мое стремленіе служить народу моему, чѣмъ только могу, ради облегченія его горькой доли. Ни о какихъ революціонныхъ кружкахъ и организаціяхъ въ провинціи тогда не было слышно, но скоро наступила работа земская, и я приложила къ ней свои старанія. Десять лѣтъ работала то въ школѣ крестьянской, то въ деревнѣ, организовала ссудо-сберегательныя кассы, взаимопомощь, артели и организовала крестьянъ передъ выборами въ судьи, управу. Дѣло налаживалось, довѣріе ко мнѣ крестьянъ помогало моей работѣ, но противъ меня и помощниковъ моихъ

ополчились дворяне, донесли министрамъ, и всю нашу долголѣтнюю работу, какъ метлой смели: закрыли школы и кассы, отдали подъ надзоръ всѣхъ честныхъ людей въ уѣздѣ нашемъ и губерніи Черниговской, многихъ сослали въ сѣверныя губерніи и стали меня преслѣдовать. Я увидѣла ясно что правительство Александра II только на словахъ дѣлало реформы, будто хотѣло улучшить жизнь населенія. На самомъ же дѣлѣ правительство зло преслѣдовало всякую попытку помочь рабочему народу выбраться изъ темноты къ свѣту, подойти къ знанію, проявить свои права. Ясно было видно, не только въ нашихъ мѣстахъ, но и по всей Россіи, что правительство боится сознательности народа и старается держать его въ рабскомъ безправіи. Это заставило меня искать другой дороги, другого способа работать на пользу дорогого мнѣ народа, и въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я рѣшила отправиться по Россіи искать людей чтобы съ ними вступить на путь борьбы нелегальной, т. е., недозволенной царскими законами.

Больше двухъ лѣтъ скиталась я по Россіи, все искала революціонной среды, державшейся очень конспиративно. Но постепенно, переходя отъ одной работы къ другой, прошла я въ организацію довольно обширную, рѣшившую проникнуть въ народъ лично, а не только посредствомъ книгъ и листковъ.

Въ то время разница между моремъ крестьянъ и озеркомъ интеллигенціи была такъ велика, что другъ друга они совсѣмъ не знали. Кромѣ того, недовѣріе крестьянъ ко всему, что носило обликъ „господина", было на столько глубоко, что не было возможности нести въ крестьянскую и рабочую среду идеи свои, оставаясь господиномъ по внѣшности. Надо было преобразиться съ ногъ

до головы, надо было казаться настоящимъ простолюдиномъ.

Когда послѣ организаціонной работы и я собралась на пропаганду въ народѣ, вмѣстѣ съ другими товарищами, разсыпавшимися по Россіи,— мнѣ было уже 29 лѣтъ.—Моя жизнь въ деревнѣ подготовила меня къ умѣнью говорить съ народомъ; мой крестьянскій видъ внушалъ довѣріе, и, переходя отъ одной губерніи въ другую, я спокойно себя чувствовала среди крестьянской массы, охотно меня слушавшей. Только неожиданный случай выдалъ меня полиціи,—прервалъ мою работу и на 22 года оторвалъ отъ желанной работы, отдавъ въ плѣнъ враговъ нашихъ, правительству царскому.—Въ 1874 году, въ сентябрѣ, меня арестовали въ Подольской губ., мѣстечкѣ Тульчинѣ. Арестъ сопровождался многими курьезами, потому что въ то время женщина-пропагандистка была чѣмъ-то неслыханнымъ и невиданнымъ. Изъ страха передъ такимъ явленіемъ, смотритель Браславской тюрьмы счелъ нужнымъ сразу же посадить меня въ темный карцеръ и надѣть мнѣ ручные кандалы. Прошелъ мѣсяцъ въ скитаніяхъ по уѣзднымъ тюрьмамъ, когда явились жендармы, выхватили меня изъ рукъ полиціи и потащили сначала въ Кіевское заточеніе, потомъ въ Московское и, наконецъ, въ Питерское, гдѣ насъ и судили, продержавъ до суда по 4 года въ одиночкахъ. Заточеніе было серьезное. Изъ трехсотъ подсудимыхъ, оставленныхъ для суда, выжило только 193, изъ нихъ 37 женщинъ. За все время показаній я не давала и меня приговорили къ 5 годамъ заводскихъ работъ. Не страшно было, ничто не страшило, когда вѣрилось въ свою правоту.

Мой здоровый организмъ и уже зрѣлый возрастъ помогли мнѣ выносить долголѣтнія испытанія, въ то время, какъ молодыя, нѣжныя силы

быстро заболѣвали, и смерть уносила однихъ за другими, оставляя чувство жестокой обиды и неизгладимой горечи.

Но надо всѣмъ стояла жажда дѣятельности, такъ рано прерванной злобной рукой. Мысль о возвращенiи въ партiю, къ революцiонной работѣ, жила въ мозгу раскаленнымъ гвоздемъ и побуждала всѣ способности, всю силу изыскивать средства къ побѣгу. Туда, къ борцамъ, къ свѣтлымъ народовольцамъ, устремлялись духовныя очи наши.

Я была уже на поселенiи за Байкаломъ, въ Баргузинѣ, когда съ тремя товарищами-мужчинами двинулась въ гористую тайгу съ ея тысячами препятствiй и опасностей. Николай Сергѣевичъ Тютчевъ описалъ вкратцѣ нашъ рискованный побѣгъ, кончившiйся поимкой насъ, блуждавшихъ по невѣдомымъ пропастямъ и скаламъ.—Меня, какъ бывшую каторжанку, присудили къ 4 годамъ каторги и 40 плетямъ, которыхъ однако примѣнить не рѣшались, „чтобы не возбудить противъ администрацiи политическихъ ссыльныхъ“, какъ было сказано въ бумагѣ военнаго губернатора Забайкалья.

Пришлось отправиться въ 1882 году, послѣ годового тюремнаго заключенiя, на вторую каторгу, все на тѣ же Карiйскiе прiиски, тогда усѣянные тюрьмами для уголовныхъ и политическихъ. И тѣ, и другiе гибли тамъ отъ цинги, тифа, чахотки безъ конца, уголовные же еще въ большемъ числѣ, такъ какъ съ ними начальство совсѣмъ не считалось и держало ихъ въ самыхъ позорныхъ условiяхъ.

Для меня же вторичный прiѣздъ въ Кару былъ скорѣе праздникомъ. Въ первый прiѣздъ не было женщинъ каторжанокъ, кромѣ меня, еще не вошло въ моду ссылать въ рудники женщинъ; теперь же я застала 16—18 подругъ (старыхъ и новыхъ зна-

комыхъ) и всю вторичную каторгу провела въ обществѣ, лучшемъ въ мірѣ.

Заводскія работы считались 8 мѣсяцевъ за годъ, и срокъ мой пролеталъ незамѣтно. Одно было тяжело, это видѣть, какъ болѣе слабыя здоровьемъ постепенно хирѣли и вѣрными шагами приближались къ могилѣ въ самомъ расцвѣтѣ жизни своей.

Въ 1885 году я снова на поселеніи, въ Забайкальѣ, въ мертвомъ городѣ Селингинскѣ, гдѣ прожила восемь самыхъ грустныхъ лѣтъ моей жизни. Голая степь, заколоченные домики и неустанная слѣжка полицейская стали моимъ удѣломъ. Мнѣ не давали ни крестьянства, ни тѣмъ болѣе паспорта по Сибири. А сердце горѣло страстнымъ желаніемъ бѣжать, возстановить борьбу съ одичалымъ отъ злобы врагомъ и мстить за невинно погибшихъ лучшихъ силъ, дочерей и сыновей нашей родины. Искала, старалась, боролась съ препятствіями—все напрасно. Степь Забайкальская, безбрежная степь Монгольская, а на Сѣверъ Байкалъ неприступный—стояли суровыми союзниками той стражи, которой власти окружали меня.—Ни желѣзной дороги, ни пароходства не было еще. Вотъ здѣсь, въ Селингинскѣ мертвомъ, томилась я цѣлыхъ восемь лѣтъ, какъ дикій соколъ въ тѣсной клѣткѣ. Одинокая, вѣчно рвущаяся—выходила я въ степь и громкимъ голосомъ изливала въ пространство тоскующее по свободѣ сердце бурное. Не было дня, чтобы я не думала о побѣгѣ, я была готова на всякій рискъ и опасность, впивалась въ малѣйшую возможность уйти—напрасно. Никто, рѣшительно никто не брался помочь, всѣ кому можно довѣриться—считали побѣгъ заранѣе обреченнымъ на неудачу. Болѣла душа моя, и только мысль о товарищахъ-каторжанахъ, о тѣхъ, что усылались въ пустынную Якутскую область, гдѣ чахли по якутскимъ юртамъ—только мысль о ихъ

страданіяхъ заглушала мои собственныя. Восемь пустыхъ лѣтъ Селингинской жизни такъ и остались на всю мою жизнь сѣрою пустотой, съѣдавшей горячія чувства всей горячей груди. Я заполняла свое время работой ради денегъ, чтобы послать свой заработокъ въ темныя тюрьмы, въ снѣжныя пустыни, голоднымъ забытымъ товарищамъ; я читала, училась чтобы знать, какъ жило и какъ живетъ человѣчество, чтобы судить о томъ, насколько близка и насколько далека возможность увидѣть его преобразовавшимся въ то „разумное существо", съ которымъ жить не опасно, а весело; терпи, говорила я себѣ въ минуты острой скорби,— терпи, выноси до конца, ты своего дождешься.

Въ 1890 году, пробывъ четыре года въ званіи крестьянки, я, наконецъ, получила паспортъ по всей Сибири и въ тотъ же день выѣхала изъ душившаго меня мѣста, чтобы въ ожиданіи конца срока подвигаться постепенно къ границѣ Россіи.

Здоровье было сильно ослаблено жизнью суровыхъ лишеній, какую я всегда вела въ одиночествѣ. Малокровіе и сильная невралгія замучили меня въ Силингинскѣ. Но унаслѣдованная сила организма быстро возобновилась, и послѣдніе четыре года моей жизни въ Сибири, переѣзжая изъ города въ городъ, я успѣла много бесѣдовать съ молодежью и взрослыми, успѣла найти союзниковъ въ лицѣ лучшихъ гражданъ Сибири. И, когда въ 1896 году, въ сентябрѣ, я вернулась въ Россію, я застала тамъ не мало студентовъ и курсистокъ, съ которыми въ Сибири твердила о теоріи и возрожденіи старыхъ лозунговъ. Они скоро взялись за дѣло освобожденія, и многіе до сей поры остались вѣрны своимъ принципамъ.

И опять въ сентябрѣ выѣхала я въ Россію, въ день, когда это стало возможнымъ. Но тутъ же встрѣтила и другое теченіе, жадно завоевывающее себѣ мѣсто. Марксизмъ быстро охватывалъ умы

молодежи. На старыхъ борцовъ смотрѣли, какъ на отжившую силу. Но вѣра въ силу личности, вѣра въ здоровую силу народа, знаніе его нуждъ и цѣлей — придавали столь твердую увѣренность моей энергіи, что, ни секунды не колеблясь, я и практически принялась за работу, давно созрѣвшую въ душѣ моей, еще до большого процесса. Въ 1878 г. я заявила судьямъ, что „имѣю честь принадлежать къ социалистической и революціонной партіи россійской и потому не признаю надъ собою суда царскихъ сенаторовъ". Прошло восемнадцать лѣтъ, и моя принадлежность къ партіи соціализма и революціонности жила во мнѣ такъ же свѣжо и горячо, какъ и въ дни ареста и дни суда. Увѣренность въ томъ, что массы крестьянскія, — эта основа бытія всего государства — услышать голосъ друзей своихъ и не замедлять пойти за вожаками своими — увѣренность эта торопила меня начать сплачивать силы, способныя примкнуть къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, какъ съ первыхъ же шаговъ она и была окрещена.

Надо помнить, что выѣхала я изъ Сибири въ Россію совсѣмъ, какъ есть, одинокая. Даже адресовъ къ старымъ товарищамъ, еще застрявшимъ въ складкахъ мрачной жизни царствованія Александра III, у меня не было. Ни денегъ, ни паспорта нелегальнаго, ровно никакихъ конспиративныхъ указаній. И потребовалось не мало времени, осторожности и терпѣнья, прежде чѣмъ мои неустанныя, скромныя поѣздки по Россіи дали опредѣленный результатъ ознакомленія съ людьми и возможностями. Готовность крестьянъ присоединиться къ организаціи выясняласъ все опредѣленнѣе, и на четвертомъ году работы партія заявила громко о своемъ образованіи, а на пятомъ всѣ отдѣльные комитеты признали единый центръ; и ростъ членовъ, и ростъ ихъ работы обратили на

себя свирѣпое вниманіе царскаго правительства.

Въ 1903 года партія потерпѣла большой разгромъ. Аресты и обыски лишили ее многихъ видныхъ работниковъ, лишили лучшихъ типографій и складовъ литературы. Необходимо было пополнить все это. Въ это же время дѣятельность партіи выросла и укрѣпилась за границей, благодаря нашимъ талантливымъ и ревностнымъ эмигрантамъ, напрягавшимъ всѣ свои силы на изданіе партійныхъ органовъ—„Вѣстникъ Революціи", „Революціонная Россія" — и книгъ и брошюръ для народа. Вокругъ этихъ славныхъ работниковъ нашей партіи группировались молодыя силы, желавшія разобраться въ вопросахъ теоріи и практики, чтобы и самимъ принять участіе въ работѣ среди народа и для народа.

Съ цѣлью звать эту молодежь на непосредственное дѣло у себя дома, въ Россіи, я впервые отправилась за границу. Въ маѣ 1903 г. сѣла въ Одессѣ на пароходъ, и въ сопровожденіи опытнаго контрабандиста - интеллигента, черезъ Румынію, Венгрію, Вѣну пріѣхала въ Швейцарію, въ Женеву, гдѣ сгруппировался центръ работниковъ партіи, живших разбросанно въ Парижѣ, Лондонѣ и Швейцаріи. Въ этомъ съѣздѣ вплотную примкнули къ намъ старые борцы семидесятыхъ годовъ: Леонидъ Шишко, Феликсъ Волховской, Егоръ Лазаревъ, Николай Чайковскій.

Молодежь, обильно посѣщавшая всѣ рефераты, лекціи, диспуты—внимательно прислушивалась къ голосу нашихъ ораторовъ. Викторъ Черновъ—главный редакторъ центральныхъ органовъ нашихъ—побѣдносно выступалъ въ защиту партіи отъ нападеній противниковъ и давалъ поясненія ученія, сложившагося на философскихъ обоснованіяхъ Чернышевскаго, Лаврова, Михайловскаго. Наряду съ этимъ я настойчиво доказывала молодежи, что

пора ей взяться за реальную работу, за пропаганду идей ея, усвоенныхъ среди крестьянъ и рабочихъ, за организацію всѣхъ силъ, способныхъ и готовыхъ вступить на борьбу со старымъ режимомъ, готовыхъ отдать свою жизнь за свободу Россіи. И вотъ начался отливъ изъ-за границы на родину молодыхъ людей обоего пола, началась усердная перевозка ими литературы соціалистовъ-революціонеровъ, и книжки „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое" разсыпались щедрой рукой по градамъ и весямъ Россіи. Одни, набравшись знанія и указаній, ѣхали въ глухія мѣста родины, другіе вливались оттуда сотнями въ Швейцарію и Парижъ чтобы въ свою очередь почерпнуть изъ источника живой воды, и опять уѣзжали въ глубины Россіи и оттуда извѣщали объ успѣхахъ и неудачахъ своихъ.

Съ каждымъ мѣсяцемъ приливъ и отливъ усиливался, можно было смѣло сказать, что юная Россія твердо рѣшилась отдать силы свои толщамъ народа своего.

Эта работа, работа направленія силъ юной Россіи, взяла у меня два года времени. Правда, я успѣла побывать и въ Америкѣ, куда меня усиленно звали друзья свободы. Оттуда выслала немало денегъ на расходы партіи, главнымъ образомъ, на литературу, перевозка которой въ Россію стоила очень дорого. Въ Соединенныхъ Штатахъ пріобрѣлая много друзей, вѣрныхъ и преданныхъ на всю жизнь. Они доказали это, осыпая меня своимъ вниманіемъ ко всѣмъ моимъ нуждамъ всѣ годы моей послѣдней ссылки и тюрьмы и отъ 1907 и до 1917 г. ни на одну недѣлю не переставали заботиться обо мнѣ.

Услышавъ удары открытой борьбы 1905 года, я снова перешла границу, обратно на родину, но на этотъ разъ я ее перебѣжала пѣшкомъ, въ сопровожденіи двухъ контрабандистовъ (интеллигента

и крестьянина) и вмѣстѣ съ товарищемъ-другомъ, несшимъ запасъ динамита.

То шла Русская революція, звавшая съ собой на бой неравный всю Россію.

Друзья-товарищи, вы сами помните событія пятаго, шестого и седьмого годовъ. Усилія революціонеровъ всѣхъ партій не могли устоять противъ физической силы злого правительства, но эти усилія не только встряхнули застывшую психологію великаго народа, они втянули его проявить свою силу, увидѣть себя побѣдителемъ хотя бы и временно. Уже клонился бой къ концу своему, уже складывали тамъ и здѣсь знамена до слѣдующаго подъема силъ и духа, уже опричники казнили и вѣшали, разстрѣливали и пытали лучшихъ борцовъ— а мой духъ былъ далекъ отъ смиренія, надеждой вздувалось сердце мое—и я съ головой бросилась въ гущу событій. Послѣ разгона второй Государственной Думы я мнила новый порывъ негодованія со стороны народа. Но, видно, чаша сомнѣнія еще не истощилась, и народъ задумчиво смотрѣлъ въ будущее, не рѣшаясь рисковать слабѣющими силами.

Въ дни такого угнетенія съ одной стороны и тщетнаго напряженія силъ съ другой—я была арестована въ городѣ Самарѣ въ 1907 г. и опять же въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Мнѣ думалось, что на этотъ разъ палачи не выпустятъ меня живою изъ рукъ своихъ. Думалось такъ, а чувствовалось иначе.

Два года и девять мѣсяцевъ, что продержали меня въ Петропавловской крѣпости, не о смерти думала я, а о томъ времени, когда Россія послѣ неизбѣжной второй революціи, побѣдоносной и торжественной, возьмется за работу строительную, и въ нѣсколько лѣтъ преобразитъ нашу обездоленную страну, нашъ еле грамотный народъ—въ образ-

цовое государство, могущее служить примѣромъ всѣмъ другимъ народамъ, какъ по культурѣ, такъ и по своему соціальному благоденствію.—Я настолько живо себѣ рисовала всѣ событія, ожидающія новѣйшую исторію Россіи, что и сейчасъ, переживая не мечты, а дѣйствительность—я живу, какъ бы продолжая давно знакомое существованіе.

Увѣренность въ возможности увидѣть родину свою свободной, народъ свой растущимъ въ довольствѣ и духовномъ развитіи—придавала мужества, окрыляла силы мои. Я сознавала себя еще способной работать съ народомъ и для народа, и мнѣ было досадно терять время на поселеніи, въ глуши Сибирской тайги.—Я снова собралась бѣжать, стремясь присоединить свой опытъ къ работѣ своихъ партійныхъ товарищей, звавшихъ меня къ себѣ. И снова побѣгъ не удался. Всего часа два-три отдѣляли меня отъ цѣли, отъ вѣрнаго пристанища, и было досадно, проскакавши зимою тысячу верстъ, очутиться въ рукахъ враговъ своихъ.

Опять приходила въ голову мысль, что не простятъ они мнѣ моихъ попытокъ вырваться на волю, попытокъ снова пристать къ дѣлу революціоннаго движенія. И въ то же время столько жизнеспособности ощущалось въ груди, что мысль не останавливалась на пресѣченіи дѣятельности, черная завѣса не заслоняла дальнѣйшаго хода событій творческаго характера. Ни долгое сидѣнье въ тюрьмѣ, ни ссылка въ Якутскъ не омрачали духа моего. „Переживу“,—говорилъ внутреній голосъ,—„все переживу и доживу до свѣтлыхъ дней свободы“.

Изъ Якутска перевели въ Иркутскъ и возстановили здѣсь всѣ преслѣдованія и гоненія, какими наполняли ссылку мою въ гор. Киренскѣ. Здѣсь же я сильно заболѣла и видѣла, какъ врачи заботливо скрывали отъ меня опасность моей болѣзни. А мнѣ было странно, что могли думать о

роковомъ исходѣ, когда на душѣ у меня была полная увѣренность въ томъ, что время все приближаетъ и приближаетъ меня къ развязкѣ иного свойства, къ торжеству революціи.

Чѣмъ дольше длилась война, чѣмъ ужасанѣе были ея послѣдствія, чѣмъ ярче выявлялось дряблость правительства—тѣмъ яснѣе была неизбѣжность прозрѣнія демократій всѣхъ странъ, тѣмъ ближе стояла и наша революція.

Я ждала удара колокола, возвѣщавшаго свободу; я дивилась, что ударъ этотъ заставляетъ ждать себя. Когда же, въ ноябрѣ прошлаго года, взрывы негодованія раздавались одинъ за другимъ, когда гнѣвные возгласы слѣдовали отъ одной группы населенія къ другой—я уже стояла одной ногой въ сибирской кибиткѣ и только жалѣла о томъ, что санная дорога быстро портится.

Четвертаго марта пришла телеграмма ко мнѣ въ Минусинскъ, возвѣстившая мнѣ свободу. Въ тотъ же день я была въ дорогѣ къ Ачинску, первому пункту желѣзной дороги. Отъ Ачинска началось мое непрерывное общеніе съ солдатами, крестьянами, рабочими, желѣзнодорожными служащими, учащимися и полчищами дорогихъ мнѣ женщинъ, несущихъ всѣ тяжести внутренней, а теперь и тыловой жизни великаго государства.

Сегодня, 20 апрѣля 1917 года, мой вагонъ везетъ меня на Москву и дальше. Когда остановится мое движеніе по великой странѣ—я не знаю. Очень можетъ быть, что пророчество стараго друга-каракозовца оправдается: „суждено тебѣ умереть въ походахъ твоихъ".

Если и такъ, да будетъ благословенъ мой народъ, давшій мнѣ возможность и силы работать съ нимъ и для него.

20-го апрѣля 1917 г.

Вагонъ С. ж. д.

